

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 136–144.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 136–144.

Научная статья
УДК 327.3
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.015

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ДИПЛОМАТИИ
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Смолькова Кристина Дмитриевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
kdssmolkova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-2098-9941>

Аннотация. Исследована миграционная дипломатия как самостоятельное направление внешнеполитической деятельности государств в условиях растущей политизации трансграничных передвижений и секьюритизации миграционных процессов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью в теоретическом осмыслении практик использования миграционных вопросов в качестве инструмента межгосударственного взаимодействия, что иллюстрируют соглашения ЕС с Турцией (2016 г.), Сербией (2022 г.) и инструментализация мигрантов в Марокко (2021 г.). Цель работы – развитие теоретико-методологических подходов к анализу миграционной дипломатии посредством систематизации существующих концепций и их интерпретации в рамках теории международных отношений. Методологическую основу составляют метод сравнительного анализа, концептуального моделирования и элементы дискурсивного анализа. Источниковую базу формируют современные публикации по проблематике миграции и международных отношений, а также материалы двусторонних и многосторонних соглашений. В результате исследования систематизирована эволюция концепции от эмпирических наблюдений к категории «миграционной силы». Показана ограниченность классических подходов (реализма, либерализма и конструктивизма) в объяснении комплексной природы миграционной дипломатии. Обосновано, что инструментарий Английской школы международных отношений, а именно концепция «международного общества», дебаты между солидаристами и плюралистами, а также теория первичных институтов, позволяет наиболее полно раскрыть двойственную природу миграционной дипломатии, сочетающую принуждение и кооперацию. Предложенный подход задает перспективное направление для анализа роли миграции в условиях трансформации международного общества.

Ключевые слова: миграционная дипломатия, международные отношения, миграционная сила, Английская школа международных отношений, международное общество, секьюритизация миграции, внешнеполитические инструменты, глобальное управление миграцией, миграция, миграционная политика

Для цитирования: Смолькова К. Д. Теоретико-методологические подходы к концептуализации миграционной дипломатии в современных международных отношениях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 136–144. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.015>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE CONCEPTUALISATION OF MIGRATION DIPLOMACY
IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS**

Kristina D. Smolkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kdssmolkova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-2098-9941>

Abstract. The article examines migration diplomacy as an independent output of states' foreign policy activity in the context of the growing politicisation of cross-border mobility and the securitisation of migration processes. The relevance of the study stems from the need for a theoretical understanding of the practices through which migration issues are used as an instrument of interstate interaction, as illustrated by the EU agreements with Turkey (2016) and Serbia (2022), as well as the instrumentalisation of migrants in Morocco (2021). The aim of the paper is to advance theoretical and methodological approaches in analysing migration diplomacy through the systemisation of existing concepts and their further interpretation through within the framework of international relations theory. The methodological foundations of the research comprise of comparative analysis method, conceptual modeling, and elements of discourse analysis. The source base encompasses contemporary publications on migration and international relations, as well as materials from bilateral and multilateral agreements. As a result, the paper provides a systematised evolution of the concept, from empirical observations to the notion of "migration power". The limitations of classical approaches (realism, liberalism, and constructivism) in explaining the complex nature of migration diplomacy are indicated. It is argued that the analytical tools of the English School of international relations – namely the concept of "international society", the debate between solidarists and pluralists, and the theory of primary institutions – provide the most comprehensive framework for revealing the dual nature of migration diplomacy, which combines elements of coercion and cooperation. The proposed approach outlines a promising direction for examining the role of migration in the context of the transformation of the international society.

Keywords: migration diplomacy, international relations, migration power, the English School of international relations, international society, securitisation of migration, foreign policy tools, global migration governance, migration, migration policy

For citation: Smolkova K. D. Theoretical and Methodological Approaches to the Conceptualisation of Migration Diplomacy in Contemporary International Relations. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 136–144. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.015> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Рост трансграничного передвижения населения в XXI в. существенно трансформировал проблемное поле международных отношений. Миграция выступает не только как социально-экономический процесс, но и как предмет межгосударственного взаимодействия, стратегического планирования и институционального регулирования. В условиях усиления геополитической напряженности и политизации вопросов мобильности формируется особое направление внешнеполитической деятельности, обозначаемое как миграционная дипломатия.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что миграционная дипломатия оказывает существенное воздействие на конфигурацию международных отношений. Так, в 2016 г. Анкара взяла на себя обязательства по сдерживанию и возвращению нелегальных мигрантов, прибывающих в Европу в обмен на финансовую поддержку, либерализацию визового режима и оживление переговоров об углублении интеграции с Европейским союзом [10]. Показательна логика межгосударственного взаимодействия в контексте регулирования миграционных потоков на Балканском маршруте. В рамках «меморандума о взаимопонимании» от 2022 г. Австрия и Венгрия предоставляют Сербии поддержку в охране границ и реадмиссии в обмен на привнесение Белградом своей визовой политики в соответствие с нормами ЕС (включая отмену безвизового режима с Тунисом, Бурунди и Индией) [23], что для Сербии как страны-кандидата является важным шагом на пути к европейской интеграции. Таким образом, государства все чаще выносят вопросы мобильности на уровень высокой политики, используя их в качестве рычага давления или стимула в переговорах и внешнеполитических стратегиях, а дальнейший процесс секьюритизации миграции только усиливает данные тенденции.

Степень научной разработанности проблемы свидетельствует не только о многообразии, но и фрагментарности существующих подходов. В ряде исследований миграция рассматривается как структурное измерение международных отношений, влияющее на взаимозависимость государств и распределение власти [20]. В рамках концепции миграционной силы мобильность населения интерпретируется как ресурс различных форм власти [11]. Идея центров миграционной силы акцентирует внимание на государствах, обладающих значительным миграционным потенциалом в силу своего положения в системе миграционных потоков [5].

Несмотря на развитие указанных направлений, миграционная дипломатия как аналитическая категория остается концептуально недостаточно определенной, сводясь либо инструментальным измерением внешней политики, либо к производным от категории миграционной силы. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть ее через призму теорий международных отношений. В качестве основной аналитической рамки используется теоретический инструментарий Английской школы международных отношений, позволяющий исследовать взаимосвязь власти, норм и институтов на международной арене.

Соответственно, цель данного исследования состоит в развитии теоретико-методологического подхода к анализу миграционной дипломатии как самостоятельного феномена современных международных отношений посредством систематизации существующих концепций и их интерпретации в рамках теории международных отношений.

Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ теоретических подходов, концептуальное моделирование и элементы дискурсивного анализа. Источниковую базу формируют современные научные публикации по проблематике миграции и международных отношений, а также материалы двусторонних и многосторонних соглашений в сфере регулирования мобильности населения.

Основная часть

Миграционная дипломатия

Термин «миграционная дипломатия» вошел в научный оборот сравнительно недавно, однако быстро утвердился как ключевой для понимания современного взаимодействия между миграционной и внешней политикой государств. Наиболее развернутое определение предложили Ф. Адамсон и Г. Цурапас, характеризующая миграционную дипломатию как применение дипломатических механизмов и процедур для контроля трансграничных перемещений населения, а также как целенаправленное манипулирование миграционными потоками ради достижения внешнеполитических и иных стратегических задач [6, р. 115–116]. Вторая часть определения принципиально важна, т. к. фиксирует способность миграции выступать не только предметом регулирования, но и инструментом реализации задач в рамках национальных интересов. К таким задачам могут относиться выполнение политических требований, улучшение условий торговли и инвестирования, получение финансовой помощи или поддержание международного имиджа.

Близкое по смыслу, но несколько более узкое определение ранее приводила Х. Тиолле в отношении стран Персидского залива, рассматривая миграционную политику в качестве косвенной, неформальной дипломатии, где мигранты и беженцы служат дипломатическим инструментом, облегчающим региональную интеграцию [17, р. 110]. Дальнейшие работы акцентируют внимание на структурных позициях государств в системе миграционных потоков, выделяя три типа реализации миграционной дипломатии в зависимости от статуса государства [6; 15; 21]. Так, каждая из этих ролей открывает специфический набор инструментов и ограничений. Страны-реципиенты, к примеру, могут манипулировать правилами въезда и пребывания, страны-доноры имеют возможность использовать диаспоры для лоббирования собственных интересов, а транзитные страны способны эксплуатировать свое географическое положение.

Развивая подход структурных позиций, И. П. Цапенко и К. А. Субхангулова в отечественной научной литературе вводят понятие «центров миграционной силы», обозначающее международных акторов, занимающих ключевые позиции в глобальных миграционных потоках и использующих их в качестве средства достижения целей внешней политики [5, с. 61]. Авторы фокусируются не только на скрытом потенциале влияния, но и на реальном осуществлении регулятивной деятельности в сфере международных отношений, что позволяет говорить о формировании особой подсистемы центров миграционной силы в полицентричной архитектуре современного мироустройства [5, с. 60].

Что касается практик миграционной дипломатии, традиционно выделяют два основных измерения: принуждение и кооперацию [6, р. 117]. Принудительные стратегии реализуются через угрозы открытия границ для нелегальных мигрантов, высылку трудовых мигрантов или усиление визовых ограничений. К примеру, в мае 2021 г. Марокко ослабило контроль на границе с анклавом Сеута, позволив около 8 000 мигрантам (включая несовершеннолетних) массово пересечь ее в ответ на госпитализацию лидера Фронта Полисаро в Мадриде [3]. Кооперация, в свою очередь, предполагает заключение соглашений о реадмиссии, совместную охрану границ и гармонизацию визовой политики. Однако в некоторых работах отмечается, что такая дихотомия не исчерпывает всего разнообразия проявлений миграционной дипломатии, которая может также влиять на развитие институтов и диффузию норм в сфере управления миграцией [18, р. 366].

Резюмируя вышеизложенное, миграционную дипломатию можно определить как особое направление внешнеполитической деятельности, в рамках которого вопросы регулирования

трансграничной мобильности используются для достижения внешнеполитических целей, а сами миграционные потоки и статусы государств в их системе превращаются в специфический ресурс власти в международной системе. В зависимости от выполняемой роли (страна-донор, страна-реципиент или страна транзита) набор инструментов и стратегий миграционной дипломатии существенно варьируется.

От миграционной дипломатии к миграционной силе

Перед переходом к анализу миграционной дипломатии через теоретические рамки международных отношений целесообразно реконструировать хронологию и внутреннюю логику концептуализации данного феномена на современном этапе.

Первоначально исследовательское внимание привлекла сама практика использования миграционных вопросов во внешнеполитическом взаимодействии [13]. Эмпирические наблюдения за тем, как государства заключают соглашения и включают миграционную повестку в более широкие переговорные процессы, породили потребность в теоретическом осмыслении стоящего за этими практиками силового потенциала. Иными словами, миграционная дипломатия как феномен была зафиксирована раньше, чем сложился ее понятийный аппарат.

Наиболее систематизированную попытку концептуализации предприняли И. Фернандес-Молина и Г. Цурапас, введя понятие «миграционной силы», которое используется для обозначения способности государств и иных акторов влиять на поведение, возможности и интересы других участников международной системы посредством управления мобильностью [11, р. 2462]. Развивая устоявшиеся подходы к анализу власти в международных отношениях [8], авторы предлагают рассмотреть миграционную силу как многомерное явление, включающее несколько взаимосвязанных типов влияния. Среди них выделяются принудительная, институциональная, структурная и продуктивная формы миграционной силы [11, р. 2462]:

- принудительная форма проявляется в использовании угроз открытия границ, депортации мигрантов или инструментализации беженцев для оказания давления;
- институциональная форма связана с возможностью формирования правил и механизмов международного управления миграцией через международные организации, региональные объединения и двусторонние соглашения;
- структурная миграционная сила проистекает из положения государства в глобальной системе миграционных потоков;
- продуктивная миграционная сила заключается в способности формирования дискурса, категорий и норм, через которые интерпретируется сама проблема миграции.

Из этого следует, что миграционная дипломатия раскрывается как сфера реализации миграционной силы, в рамках которой миграционные процессы становятся инструментом формирования внешнеполитического влияния и фактором институционализации межгосударственных отношений.

Миграционная дипломатия в теоретических подходах международных отношений

Расширение аналитической рамки от миграционной дипломатии к более широкому понятию миграционной силы закономерно ставит вопрос о теоретическом осмыслении данного феномена в рамках международных отношений. Несмотря на растущий интерес к взаимосвязи миграции и внешней политики, значительная часть исследований носит преимущественно эмпирический характер, сосредотачиваясь на отдельных примерах использования миграционных инструментов в дипломатических переговорах. Между тем комплексный анализ миграционной дипломатии требует обращения к теоретическим подходам международных отношений, позволяющим объяснить механизмы распределения власти, институционализации норм и формирования режимов управления мобильностью населения.

В рамках теории политического реализма миграционная дипломатия прежде всего интерпретируется как инструмент реализации национальных интересов и усиления государственной власти. Государства рассматриваются как рациональные акторы, стремящиеся максимизировать собственную безопасность и силу [12, р. 721]. Таким образом, миграционные потоки становятся одним из рычагов давления во внешнеполитическом арсенале стран. Подобная логика прослеживается, например, в ситуациях, когда государства используют угрозу открытия границ или массовой высылки мигрантов для достижения политических уступок. Так, в 2010 г. Ливия под руководством Муаммара Каддафи неоднократно предупреждала Европейский союз о возможности прекращения сотрудничества по контролю средиземноморского трафика мигрантов, требуя финансовой помощи и политического признания [19, р. 2380]. Подобные практики демонстрируют, что миграция может выступать специфическим ресурсом внешнеполитического давления, сопоставимым с другими инструментами государственной силы.

Либеральный подход, напротив, акцентирует внимание на кооперативном потенциале миграционной дипломатии. Так, государства, сталкиваясь с общими вызовами трансграничной мобильности, заинтересованы в создании международных режимов и институтов управления

миграцией [7, р. 844]. С этой точки зрения миграционная дипломатия проявляется прежде всего в заключении соглашений о реадмиссии, создании механизмов совместного контроля границ или же в углублении политической и экономической интеграции через либерализацию визовых политик. Исследования подчеркивают, что международные организации и региональные объединения способны снижать транзакционные издержки взаимодействия между государствами и формировать устойчивые правила сотрудничества в миграционной сфере [22, р. 274]. Наиболее ярким воплощением этой логики стал Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ), принятый в 2018 г. Отмечается, что данный договор направлен на регулирование миграционных потоков с учетом интересов как государств, так и самих мигрантов, а цель его заключается в использовании преимуществ миграции при минимизации связанных рисков [4, с. 89]. Таким образом, документ балансирует между проблемой защиты прав человека мигрантов и сохранением государственного суверенитета.

Но как показала практика, ГДМ сталкивается с серьезным сопротивлением. Ряд государств (США, Венгрия, Польша, Чехия и другие) открыто отказались от его подписания, мотивируя это нарушением их суверенитета и отсутствием гарантий безопасности [4, с. 87]. Данный факт подсвечивает ограниченность либерального подхода, так как создание глобальных норм и правил не отменяет логики верховенства национальных интересов.

Конструктивистская традиция обращает внимание на то, как дискурсы, идентичности и нормы формируют само восприятие миграции и, соответственно, практики миграционной дипломатии. Исходя из этого, такие категории, как «миграционный кризис», «нелегальный мигрант» или «безопасная страна» не вытекают из объективной данности, а конструируются в политическом дискурсе [20]. Стало быть то, что в одном контексте воспринимается как гуманитарная проблема, в другом может быть представлено как угроза национальной безопасности. Это различие напрямую влияет на политические последствия. Ключевым понятием, связывающим конструктивистский подход с анализом миграционной дипломатии, выступает секьюритизация. Именно она объясняет процесс перехода вопросов в разряд экзистенциальных угроз, требующих принятия чрезвычайных политических мер [14, р. 716]. Данные подходы помогают раскрыть специфику принудительных стратегий миграционной дипломатии, учитывая при этом исторический контекст и сложившуюся иерархическую структуру взаимодействия стран.

Миграционная дипломатия через призму Английской школы международных отношений

Тем не менее ни один из выше представленных подходов не раскрывает концепцию миграционной дипломатии в полной мере, поэтому наиболее продуктивным оказывается обращение к «золотой середине», а именно к Английской школе международных отношений. Эта теоретическая традиция предлагает многоуровневый подход к объяснению международной реальности, из которых ключевым уровнем будет выступать «международное общество». Данное понятие отражает тот факт, что государства не только сосуществуют в анархичной среде, но и связаны между собой постоянно эволюционирующей системой правил, норм и институтов, регулирующих их взаимодействие [9, р. 330].

Для анализа миграционной дипломатии особое значение имеют дебаты внутри Английской школы между плюралистами и солидаристами. Отечественный исследователь В. В. Мионов отмечает, что плюрализм исходит из приоритета государственного суверенитета и принципа невмешательства [2, с. 65]. Международное общество в этой интерпретации основывается на минимальном наборе норм, позволяющих сосуществовать государствам с различными политическими системами и ценностями. Таким образом, в миграционной сфере такая логика проявляется в признании права стран на самостоятельный контроль границ, а миграция рассматривается как вопрос национальной безопасности и внутренней политики.

Солидаризм, напротив, предлагает возможность формирования более широкого круга общих норм и обязательств, включая принципы защиты прав человека и гуманитарной ответственности [2, с. 67]. В контексте миграции это выражается в развитии международных режимов защиты прав беженцев, в идее распределения ответственности между государствами и в институционализации механизмов международного сотрудничества.

Так, двойственная природа миграционной дипломатии находит теоретическое объяснение именно в данном различии. Плюралистская логика позволяет объяснить те случаи, когда миграционная дипломатия реализуется через принуждение, торг и ситуативные договоренности между странами. Солидаристская перспектива, в свою очередь, дает основу для интерпретации процессов формирования устойчивых международных институтов и норм сотрудничества в сфере миграции.

Вместе с тем эмпирические исследования показывают, что реальные практики миграционной дипломатии редко соответствуют исключительно плюралистской или солидаристской модели. Принятие уже упомянутого ранее Глобального договора о миграции (2018 г.) отражает

стремление закрепления единых норм управления миграцией через усиление кооперации. Одновременно отказ ряда государств присоединиться к договору, а также его необязательный характер демонстрируют сохранение сильных плюралистских ограничений, связанных с вопросами безопасности и суверенитета.

Аналогичная динамика прослеживается и на региональном уровне. Европейский союз с его наднациональными механизмами управления миграцией и общей визовой политикой является проявлением солидаризма. Другие объединения, такие как АСЕАН, основываются на принципе невмешательства и межправительственного взаимодействия [16, р. 2845], что отражает логику плюралистов. В то же время некоторые региональные структуры, например ЭКОВАС, демонстрируют промежуточные формы регулирования, сочетая либерализацию внутрирегиональной мобильности с сохранением суверенного контроля над внешними границами [1, с. 464].

Более того, стоит отметить и аналитическую значимость первичных институтов международного общества, к которым относят дипломатию, войну, баланс сил, наличие великих держав и международное право (в первую очередь в качестве гаранта признания государственного суверенитета) [9, р. 348]. Миграционная дипломатия в значительной степени укоренена именно в этих институтах. Так, контроль над границами и регулирование въезда иностранных граждан напрямую связаны с принципом суверенитета. Переговоры о реадмиссии, трудовой миграции или защите прав беженцев воспроизводят дипломатию как ключевой механизм межгосударственного взаимодействия. Наконец, заключение соответствующих соглашений способствует развитию миграционно-правовой основы управления миграцией.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд теоретических обобщений относительно концептуализации миграционной дипломатии и ее места в системе международных отношений.

Во-первых, в современном научном дискурсе наметилась отчетливая тенденция к усложнению понимания миграционной дипломатии, от выявления эмпирических практик использования миграции во внешней политике к разработке категории «миграционной силы». Последняя, будучи многомерным феноменом, включает принудительное, институциональное, структурное и продуктивное измерения, что позволяет рассматривать миграционную дипломатию не просто как инструмент торга, но и как сферу реализации различных типов властного влияния на международной арене.

Во-вторых, классические теоретические подходы международных отношений высвечивает лишь отдельные грани миграционной дипломатии, оставляя за скобками ее комплексную природу. Реализм редуцирует ее к инструменту силового давления и обеспечения национальной безопасности. Либерализм фокусируется на кооперативном потенциале и институционализации, недооценивая сохраняющееся значение суверенитета и проблему конфликта интересов. Конструктивизм, в свою очередь, раскрывает дискурсивные механизмы процесса секьюритизации миграции, однако оставляет без должного внимания вопросы распределения власти и глобальной институциональной динамики.

В-третьих, именно теоретический инструментарий Английской школы международных отношений представляется наиболее релевантным для анализа миграционной дипломатии в силу ряда обстоятельств. Так, концепция «международного общества» создает онтологическую рамку, в которой миграционная дипломатия предстает как результат взаимодействия государств, связанных общими нормами и институтами, в анархичной системе международных отношений. Более того, внутренние дебаты между плюралистами и солидаристами позволяют раскрыть двойственность миграционной дипломатии. Логика плюрализма объясняет практики принуждения и защиты суверенитета (пример Ливии и Марокко), тогда как солидаристская перспектива проливает свет на развитие международных режимов защиты прав мигрантов и региональную интеграцию (пример ЕС и ЭКОВАС). Наряду с этим рассмотрение Глобального договора о миграции и политики Сербии на Балканском маршруте демонстрируют, что реальные стратегии государств формируются на пересечении этих двух логик, что делает Английскую школу наиболее подходящим инструментом для их анализа.

Наконец, обращение к основополагающим институтам Английской школы (дипломатия, международное право, баланс сил и т. д.) позволяет укоренить миграционную дипломатию в фундаментальных структурах международного общества, показывая, что практики управления мобильностью не являются ситуативным инструментом, но воспроизводят и трансформируют сами основания межгосударственного взаимодействия.

Таким образом, предложенный в рамках данного исследования подход не только систематизирует существующие концепции, но и задает перспективное направление для дальнейших

исследований, позволяя рассматривать миграционную дипломатию как самостоятельный и теоретически значимый феномен, анализ которого через призму Английской школы открывает возможности для более глубокого понимания трансформации международного общества в XXI в.

Список источников

1. Коробов, А. А. Государственная миграционная политика стран ЭКОВАС: основные направления и тенденции / А. А. Коробов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 459–466. – doi: 10.18500/1818-9601-2024-24-4-459-466.
2. Миронов, В. В. Дебаты между плюралистами и солидаристами в Английской школе международных отношений на рубеже XX–XXI вв. / В. В. Миронов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 53. – С. 64–68. – doi: 10.17223/19988613/53/13.
3. Нелегалы в испанской Сеуте: как мигранты превратились в инструмент давления? – URL: <https://tass.ru/opinions/11435653> (дата обращения: 12.02.2026).
4. Потемкина, О. Ю. Глобальный договор о миграции – успех или провал? / О. Ю. Потемкина // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 6. – С. 86–91. – doi: 10.15211/vestnikieran620188691.
5. Цапенко, И. П. Центры миграционной силы в мировой политике / И. П. Цапенко, К. А. Субхангулова // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 8. – С. 58–70. – doi: 10.7868/S3034520025080064.
6. Adamson, F. B. Migration diplomacy in world politics / F. B. Adamson, G. Tsourapas // International Studies Perspectives. – 2019. – Vol. 20, № 2. – P. 113–128. – doi: 10.1093/isp/eky015.
7. Adamson, F. B. The Limits of the Liberal State: Migration, Identity and Belonging in Europe / F. B. Adamson, T. Triadafilopoulos, A. R. Zolberg // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2011. – Vol. 37, № 6. – P. 843–859. – doi: 10.1080/1369183X.2011.576188.
8. Barnett, M. Power in International Politics / M. Barnett, R. Duvall // International Organization. – 2005. – Vol. 59, № 1. – P. 39–75. – doi: 10.1017/S0020818305050010.
9. Buzan, B. From international system to international society: structural realism and regime theory meet the English school / B. Buzan // International Organization. – 1993. – Vol. 47, № 3. – P. 327–352. – doi: 10.1017/S0020818300027983.
10. EU-Turkey Statement & Action Plan. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-towards-a-new-policy-on-migration/file-eu-turkey-statement-action-plan?sid=9901> (accessed: 02.02.2026).
11. Fernández-Molina, I. Understanding migration power in international studies / I. Fernández-Molina, G. Tsourapas // International Affairs. – 2024. – Vol. 100, iss. 6. – P. 2461–2479. – doi: 10.1093/ia/iaae230.
12. Fine, S. Migration, political philosophy, and the real world / S. Fine // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2017. – Vol. 20, № 6. – P. 719–725. – doi: 10.1080/13698230.2016.1231793.
13. Greenhill, K. M. Strategic Engineered Migration as a Weapon of War / K. M. Greenhill // Civil Wars. – 2008. – Vol. 10, № 1. – P. 6–21. – doi: 10.1080/13698240701835425.
14. Jaskulowski, K. The securitisation of migration: Its limits and consequences / K. Jaskulowski // International Political Science Review. – 2019. – Vol. 40, № 5. – P. 710–720. – doi: 10.1177/0192512118799755.
15. Laube, L. Diplomatic side-effects of the EU's externalization of border control and the emerging role of «transit states» in migration diplomacy / L. Laube // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. – 2021. – Vol. 46, № 3. – P. 78–105. – doi: 10.12759/hsr.46.2021.3.78-105.
16. Lavenex, S. Regions and global migration governance: Perspectives 'from above', 'from below' and 'from beyond' / S. Lavenex, N. Piper // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2022. – Vol. 48, № 12. – P. 2837–2854. – doi: 10.1080/1369183X.2021.1972564.
17. Thiollet, H. Migration as Diplomacy: Labor Migrants, Refugees, and Arab Regional Politics in the Oil-Rich Countries / H. Thiollet // International Labor and Working-Class History. – 2011. – № 79. – P. 103–121. – doi: 10.1017/S0147547910000293.
18. Tolay, J. Interrogating and Broadening the Emerging Narrative on Migration Diplomacy: A Critical Assessment / J. Tolay // Millennium: Journal of International Studies. – 2022. – Vol. 51, № 1. – P. 354–375. – doi: 10.1177/03058298221139589.
19. Tsourapas, G. Migration diplomacy in the Global South: cooperation, coercion and issue linkage in Gaddafi's Libya / G. Tsourapas // Third World Quarterly. – 2017. – Vol. 38, № 10. – P. 2367–2385. – doi: 10.1080/01436597.2017.1350102.
20. Ullah, A. K. M. A. Migration as international relations / A. K. M. A. Ullah // Global Networks. – 2025. – Vol. 25, № 3. – P. e70016. – doi: 10.1111/glob.70016.

21. Vaagland, K. How strategies of refugee host states are perceived by donor states: EU interpretations of Jordanian migration diplomacy / K. Vaagland // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49, № 12. – P. 3085–3100. – doi: 10.1080/1369183X.2023.2193715.
22. Visvizi, A. Managing international migration: rethinking transaction costs, red tape, and their impact / A. Visvizi, M. Pachocka, M. D. Lytras // *International Migration*. – 2019. – Vol. 57, № 5. – P. 271–279. – doi: 10.1111/imig.12648.
23. Western Balkans route. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/western-balkans-route/> (accessed: 02.02.2026).

References

1. Korobov, A. A. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika stran EKOVAŠ: osnovnye napravleniya i tendentsii [State Migration Policy of ECOWAS Countries: Main Directions and Trends]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya»* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]. 2024, vol. 24, no. 4, pp. 459–466, doi: 10.18500/1818-9601-2024-24-4-459-466.
2. Mironov, V. V. Debaty mezhdru plyuralistami i solidaristami v Angliyskoy shkole mezhdunarodnykh otnosheniy na rubezhe XX–XXI vv. [Debates between Pluralists and Solidarists in the English School of International Relations at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2018, no. 53, pp. 64–68, doi: 10.17223/19988613/53/13.
3. *Nelegaly v ispanskoy Seute: kak migranty prevratilis v instrument davleniya?* [Illegals in Spanish Ceuta: How did Migrants Become an Instrument of Pressure?]. Available at: <https://tass.ru/opinions/11435653> (accessed: 12.02.2026).
4. Potemkina, O. Yu. Globalnyy dogovor o migratsii – uspekhi ili proval? [Global Compact for Migration – Success or Failure?]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]. 2018, no. 6, pp. 86–91, doi: 10.15211/vestnikieran620188691.
5. Tsapenko, I. P., Subkhangulova, K. A. Tsentry migratsionnoy sily v mirovoy politike [Centers of Migration Power in World Politics]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2025, no. 8, pp. 58–70, doi: 10.7868/S3034520025080064.
6. Adamson, F. B., Tsourapas, G. Migration diplomacy in world politics. *International Studies Perspectives*. 2019, vol. 20, no. 2, pp. 113–128, doi: 10.1093/isp/eky015.
7. Adamson, F. B., Triadafilopoulos, T., Zolberg, A. R. The Limits of the Liberal State: Migration, Identity and Belonging in Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011, vol. 37, no. 6, pp. 843–859, doi: 10.1080/1369183X.2011.576188.
8. Barnett, M., Duvall, R. Power in International Politics. *International Organization*. 2005, vol. 59, no. 1, pp. 39–75, doi: 10.1017/S0020818305050010.
9. Buzan, B. From international system to international society: structural realism and regime theory meet the English school. *International Organization*. 1993, vol. 47, no. 3, pp. 327–352, doi: 10.1017/S0020818300027983.
10. *EU-Turkey Statement & Action Plan*. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-towards-a-new-policy-on-migration/file-eu-turkey-statement-action-plan?sid=9901> (accessed: 02.02.2026).
11. Fernández-Molina, I., Tsourapas, G. Understanding migration power in international studies. *International Affairs*. 2024, vol. 100, iss. 6, pp. 2461–2479, doi: 10.1093/ia/iaae230.
12. Fine, S. Migration, political philosophy, and the real world. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2017, vol. 20, no. 6, pp. 719–725, doi: 10.1080/13698230.2016.1231793.
13. Greenhill, K. M. Strategic Engineered Migration as a Weapon of War. *Civil Wars*, 2008, vol. 10, no. 1, pp. 6–21, doi: 10.1080/13698240701835425.
14. Jaskulowski, K. The securitisation of migration: Its limits and consequences. *International Political Science Review*. 2019, vol. 40, no. 5, pp. 710–720, doi: 10.1177/0192512118799755.
15. Laube, L. Diplomatic side-effects of the EU's externalization of border control and the emerging role of «transit states» in migration diplomacy. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2021, vol. 46, no. 3, pp. 78–105, doi: 10.12759/hsr.46.2021.3.78-105.
16. Lavenex, S., Piper, N. Regions and global migration governance: Perspectives ‘from above’, ‘from below’ and ‘from beyond’. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022, vol. 48, no. 12, pp. 2837–2854, doi: 10.1080/1369183X.2021.1972564.
17. Thiollet, H. Migration as Diplomacy: Labor Migrants, Refugees, and Arab Regional Politics in the Oil-Rich Countries. *International Labor and Working-Class History*. 2011, no. 79, pp. 103–121, doi: 10.1017/S0147547910000293.

18. Tolay, J. Interrogating and Broadening the Emerging Narrative on Migration Diplomacy: A Critical Assessment. *Millennium: Journal of International Studies*. 2022, vol. 51, no. 1, pp. 354–375, doi: 10.1177/03058298221139589.
19. Tsourapas, G. Migration diplomacy in the Global South: cooperation, coercion and issue linkage in Gaddafi's Libya. *Third World Quarterly*. 2017, vol. 38, no. 10, pp. 2367–2385, doi: 10.1080/01436597.2017.1350102.
20. Ullah, A. K. M. A. Migration as international relations. *Global Networks*. 2025, vol. 25, no. 3, p. e70016, doi: 10.1111/glob.70016.
21. Vaagland, K. How strategies of refugee host states are perceived by donor states: EU interpretations of Jordanian migration diplomacy. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023, vol. 49, no. 12, pp. 3085–3100, doi: 10.1080/1369183X.2023.2193715.
22. Visvizi, A., Pachocka, M., Lytras, M. D. Managing international migration: rethinking transaction costs, red tape, and their impact. *International Migration*. 2019, vol. 57, no. 5, pp. 271–279, doi: 10.1111/imig.12648.
23. *Western Balkans route*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/western-balkans-route/> (accessed: 02.02.2026).

Информация об авторе

Смолькова К. Д. – аспирант.

Information about the author

Smolkova K. D. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 30.06.2026.